Александр ТРАПЕЗНИКОВ

Это вам за пацанов!

О книге Михаила Федорова «Роман Филипов»

В Воронеже издательство им. Е.А. Болховитинова несколько лет выпускает серию книг «Замечательные люди Воронежского края». Другим бы регионам задуматься о том же. Дело нужное и ценное, работа не столько на сегодняшний день, сколько на будущее, для потомков. И случайных героев, которым посвящены книги серии, тут нет, все они давно пользуются заслуженной славой и принадлежат не отдельному славному региону, а всему нашему великому Отечеству. Ему честно и преданно служили эти люди, отдав целиком всю жизнь: писатели, воины, государственные деятели, врачи, строители, педагоги, священники… Взрастила их благодатная черноземная воронежская земля, но входят они в пантеон славы России.

В этой серии вышла в свет уже седьмая книга известного писателя Михаила Федорова, которая названа именем героя: «Роман Филипов». Перефразируя Путина скажу: кто не помнит этого человека – у того нет сердца, а кто считает, что он не совершил подвиг – у того нет ума. В начале февраля прошлого года вся страна прощалась с летчиком Романом Филиповым, который был сбит в Сирии. В последнюю минуту он выкрикнул окружившим его боевикам: «Это вам за пацанов!» и подорвал себя гранатой вместе с ними. Роман не поднял руки, не сдался, не предпочел плен, а ушел вот так… Это напомнило мне то, как ушел из жизни, не сдавшись, другой офицер, раньше него, попавший в руки исламских боевиков в Дагестане. Магомеда Нурбагандова перед убийством принуждали призвать своих коллег-полицейских уйти с работы. Он отказался, успев сказать прямо противоположное: «Работайте, братья!». Президент Путин назвал его «настоящим героем, настоящим мужчиной, которые под угрозой смерти остался верен присяге, долгу и своему народу».

Вот о таких людях и должно писать книги и снимать фильмы (я знаю, что Петр Алешкин уже завершает кинокартину о Нурбагандове, а книга Михаила Федотова о Филипове – перед вами). Автор, отвечая на вопрос, что подтолкнуло его к написанию этой книги, сказал:

– Думаю, многим памятен февраль прошлого года, когда в Сирии сбили СУ-25, которым управлял наш земляк Роман Филипов. Тогда мы увидели, как попала ракета в наш самолет, он загорелся, как из него катапультировался летчик, как на парашюте спускался, как взлетело облако дыма – это самолет упал и взорвался, как к валуну сбегаются боевики, там склонились над кем-то, раздается крик «Это вам за пацанов!», и следом взрыв и дымные облачка… И из этих боевиков, разве что один уцелел. Отбегает, а другие уже видимо убиты… Это себя и бандитов подорвал летчик… Все это мы увидели, что снял боевик, который предпочел не подходить к камню, он уцелел и выложил в Интернет. Они думали, что тем самым устрашат, а получилось наоборот, все мы увидели, как геройски ушел из жизни наш Роман Филипов… И вот у меня не уходило из памяти это видео, это было толчком к написанию книги.

– А когда созрел план?

– Когда я узнал, что летчика будут хоронить в Воронеже, я уже не находил себе места. Теперь меня интересовало все, связанное с ним. Я помню, как сообщили: завтра будут похороны. И я узнал – в доме офицеров. Но в Воронеже их было два. Один на центральном проспекте, который по чьей-то дурости передали от военных в город, а другой в Северном городском микрорайоне, где находился так называемый новый военный городок – построенный немцами для выводимых из Германии в 90-е наших войск. И выяснилось: во втором. А похоронят, видимо, на Коминтерновском кладбище… И я не мог ничем заниматься…

И хотя его предали земле в Воронеже, казалось, с ним прощались и на Дальнем Востоке, где он прослужил десять лет, и в Самаре, откуда его корни. Михаил Федоров, как и многие из нас, с той поры носил в себе имя этого русского парня. И вот перед нами плод этого виртуального «общения» майора-летчика и писателя… Федоров со всею яростной силой своей страсти пишет о нем. А иначе нельзя. Пишет о тех тысячах людей, которые слетелись, съехались, собрались в Воронеже у Дома офицеров и, невзирая на мороз, на задержку прилета самолета с телом майора, часами ждали геройского летчика. Многих тогда поразило это никем не сорганизованное мероприятие: перед огромным заснеженным полем Дома офицеров стояли школьники, кадеты, приехали бойцы с Донбасса, военные разных родов войск, молодые и те, кто уже давно на пенсии… Вот видим на фото в книге бабушка пришла с внучком… Вот ветеран с палочкой… Море людей… Писатель отмечает важнейшую черту этого события для нашего народа: все поняли, кто мы есть. Мы – тот народ, который не сломить, не унизить, он знает себе цену и может за себя постоять! Не случайно говорил Бисмарк: русского мало убить, его надо еще и повалить.

Рассказывает Михаил Федотов:

– Похороны врезалось в память на всю жизнь… Кто прощался: остановится на секунду – ведь сзади подпирал поток, склонит голову, а кто и перекрестится… Вот одни в камуфляжной форме поклонился женщинам на скамьях. Видимо, вдове и матери Романа… Поток не прекращался… И его в 3 часа вынужденно прекратили. Иначе могли не успеть на отпевание и похоронить… И вот катафалк устремился к кладбищу… А там тоже море людей… Все, несмотря на мороз – ждали… И вот гроб с телом Романа перенесли в часовенку… Там шло отпевание, но и тут люди не расходились… И вот летчик направился в последний свой путь. Впереди на подушечках несли награды… Шла рота почетного караула… Играл скорбную музыку оркестр… За гробом поток людей пришедших проститься… Казалось, весь город пришел сюда… Так Воронеж проводил своего героя. Было жаль, что погиб молодой офицер, которому еще бы жить да жить, но каждый испытывал гордость: у нас такие защитники есть. И многие ставили себя на его место и спрашивали: а как бы я поступил в такой ситуации, когда тебя окружили враги? Ясно, что ты уже не осилишь боевиков, их больше, они все равно победят, но их победа оказалась их же поражением… Видео с криком Филипова «Это вам за пацанов!» и двумя дымками над ним и разбросанными по сторонам боевикам стало гимном силы духа нашего народа!

Больше было и тех, кто окружил Нурбагандова, кто застал его подло врасплох, спящего, без оружия, убил брата, измывался над ним, требовал рабской покорности. Не дождетесь! Эти две фразы, брошенные перед смертью в лицо врагам; «Это вам за пацанов!» и «Работайте, братья!» – стоят тонны словесной псевдопатриотической шелухи. Они намного весомее, потому что разят врага посильнее пуль. И демонстрируют нашу победу. Федоров скрупулезно, с множеством деталей и фотографий, описывает это потрясающее событие – не просто проводы летчика, а демонстрацию силы страны и людей, живущих в ней. Это описание ценно документальностью и, как фильм, проходит перед глазами, со всей очевидностью доказывая истину, произнесенную Александром Невским перед Ледовым побоищем: «Кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет».

Кто-то может, возразить: это же случилось в Сирии. Но таким хочется ответить: а что, разве не видели вы разрушенные из пушек реликвии Пальмиры; отморозков, обезглавливающих людей… Этот жуткий исламский национализм нужно было остановить, пока он не проник в Россию… Федоров жил мыслями о летчике, собирал о его жизни материал и вот теперь со страниц книги мы узнаем родовые корни героя. Дед Романа воевал в Великую Отечественную в составе гвардейского мотоциклетного Ярцевского полка. Его отец – военный летчик, служил в Воронеже – ему выпало смотреть смерти в лицо, когда гибли его однополчане в Чечне, и при всем при том его сын выбирает профессию «Родину защищать» – поступает в Краснодарское военное училище, успешно его оканчивает и едет служить не туда, куда бы мог помочь попасть отец, а на Дальний Восток.

Да ведь и сам автор, Михаил Федоров из семьи военного офицера, его отец служил в Уссурийске и он понимает, что такое армейские будни в Подмосковье в той же Кубинке, и что такое служить в гарнизоне в Возжаевке или Черниговке на Дальнем Востоке. Туда едут самые честные, самые надежные, самые верные… Их не одолевают мысли: как бы устроиться служить поближе к Арбату, их беспокоит безопасность страны и ради этого они готовы сносить лишения, видеть перед собой опасность, и Роман Филипов – яркий тому пример. Ведь русские офицеры испокон веков славились верностью своему долгу: если нужно было служить на Кушке, они ехали на Памир и перебирались через перевалы, если – на полюсе холода Новой Земле – на Новую Землю. Все это знакомо Федорову, его отец служил и в полярной дивизии на Новой Земле, на Байконуре в песках, в Грузии на границе с Турцией.

– Каким летчиком был Роман? – спросили мы автора книги

– Его ставили в пример. Так и говорили: Делай, как Филипов… Он не тратил время зря, если освоил одно в летном деле, осваивал другое. Он был победителем в первом конкурсе «Авиадартс – 2013». Тогда главком ВВС заявил, что все победители будут приняты в академию, но что-то Роман в числе принятых не оказался. Но он не сложил руки.

– А как оказался в Сирии?

– Когда посылали в Сирию, он полетел в первых рядах… И когда второй раз послали, не отказался. Жена ему говорила: «Ты уже там побыл… Пусть другие едут». А он ответил: «А кто же, если не я…» 31 января 2018 года (за 3 дня до гибели) состоялся его разговор по телефону с женой, и он сказал: «Документы ушли в академию». А она с облегчением: «Наконец-то два года будешь ночевать дома». Вот она семья нашего офицера Романа Филипова, одна их тысяч-тысяч семей таких же защитников Отечества…

Федотов став биографом героя, видит в Романе безотказного, надежного воина. И не мог по своей природной натуре не обратить к нему свое перо. Писатели пишу всякое. Кто-то балуется фантастикой, кто-то утопает в бульварных романах, а Федоров таким чтивом не может заниматься. Он берется за то, что не дает покоя его душе, от чего пламенеют щеки, горит на сердце… Говорит так:

– Он ведь не знал, что его снимают на видео. Он погибал так, как погибали наши воины в Отечественную войну. Честно. С мыслями о родном, близком, пусть и уже не осуществимом для него, но осуществимом для других. Кто остался жить на земле… И могила Романа Филипова – для меня не только его, а даже какая-то братская… Она и о других, погибших безызвестно, но так же геройски. Почему и она увешана стихотворениями в честь летчика… Вы придите, прочитаете – их десятки… Их пишут и пишут и ими увешивают крест, венки…

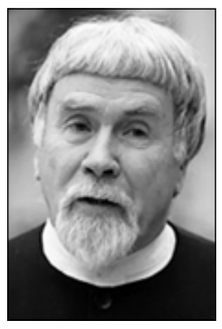
Эта книга личностная… Здесь нет ни одного лишнего слова, ни одного лишнего факта… Все детали, даже самые казалось бы ненужные: неяркие события из жизни Романа Филипова, для автора важны. Он ему важен в каждом, быть может, и незначительном поступке. Как он жил. Чем жил. Что делал… Из этих деталей складывается жизнь офицера… Он исследует его путь от школьной скамьи – с ее деталями, выяснением, кто у него были учителя. Оказывается, тоже свои яркие педагоги! Кто наставники в армии, и конечно, как он – этот скромный парень, который никогда не снимал звезд с неба, а работал, пахал, осваивая летную профессию, – двигался по жизни…

Постскриптум. Эта книга – своеобразное напоминание о долге государства, о долге народа перед офицерскими семьями, в которых мужья сложили голову. Как подтверждение тому: уже названа улица именем Романа Филипова. Школа в Воронеже. Установлен его бюст в Воронеже и Краснодаре. Посмертно присвоено звания Героя России. Таких бы книг о наших Героях да побольше. А у самой книги тоже поразительная судьба. Выход в свет – только начало. Книгу расхватывают, выставляют видео презентаций в соцсетях, а самого автора зовут и зовут на очередные встречи. Почему? Не задавайте глупых вопросов. Людям хочется больше узнать о своем народном Герое. И, говоря словами автора, «нужно выполнять свой долг: надо нести Романа Филипова людям, потому что его жизнь нам пример, а поступок бесценен».

Валентин КУРБАТОВ

Времена и сроки

О книге стихов Николая Рачкова «Посреди вселенских гроз»



Кажется, это ведётся в русской морали с пушкинской поры: в молодости надо дерзить, в старости – остепеняться: «Смешон и ветреный старик, смешон и юноша степенный». Поэт Николай Рачков из Ленинградской (Ленинградской, а никакой не Петербургской!) Тосны в последней книге подтверждает:

Я в молодости был лихой новатор,
Рубил безумно старое с плеча.
Прошли года. Теперь я консерватор –
Сужу о новизне порой ворча.

Я и сам – оглянусь: на Урале, в астафьевском Чусовом в конце пятидесятых в городской стенной газете на центральной площади числюсь в «стилягах». Мама стесняется мимо ходить. А теперь вон гляжу дожил – сам девчонкам запрещаю в автобусе материться: «Мужики тут, – говорю. Они народ ранимый. Вы уж их, пожалуйста, девочки, поберегите».

Да-а-а. Всё уже не по мне. Одно слово – консерватор. Какое кстати, хорошее, хоть и обидное, слово – словно тебя упаковали в баночку, как кильки в томате, и вон подают на стол нового времени. А там повертят, повертят и отвернутся.

Вот и Николай консерватор-то консерватор и сетует на новый век и прощается с минувшим и пишет, пишет осень любви, памяти, жизни «тайную печаль на сомкнутых устах природы», а то и прямо наше глобальное безумие:

И воздух отравлен, и пашни, и воды,
Всё меньше становится сил у природы,
Мы недра земли выгребаем вчистую
И радуем блестками душу пустую.
Живем, поклоняясь всё новым наукам.
А что же оставим мы внукам-то, внукам?

Но придет новая весна «юная и нежная, золотая, золотая, как ольха прибрежная», и вновь для поэта «сияет ночь, вселенная не спит» и опять, как у Александра Сергеича: «И сердце вновь горит и любит оттого, что не любить оно не может».

Книга Рачкова, о которой я говорю, называется «Посреди вселенских гроз» и там, конечно, отразится зло и искушения времени, и наши предательства самих себя, и нетерпение врагов повалить нашу милую Родину, желательно нашими же руками. И на время душа отодвинет лирическое перо, оглянется и потемнеет:

Люди считая свои барыши,
тонут во славе, грехах и во лжи…
Один в шелках, другой почти нагой.
Наивные рабы мечты своей благой.
О, эта жажда маленькой, но власти,
клубок гнетущей зависти в сердцах.

А тут еще и мир постарается расшатать твою Родину:

О, как им взять Россию хочется,
Как хочется её распять…

То капкан, и то засада,
В грудь ударят и сбоку.
Не надейтесь на Запад
И не верьте Востоку.
Все с тобой понарошку
Дружат, чтобы дать подножку.
У тебя один оплот –
Это армия и флот.

И ведь подлинно – уходит земная крепь и старая правда, общая наша, человечески естественная, наследованная правда, а вместо неё являются (простите – это я из последнего номера журнала «Свободная мысль»: «когнитивные технологии отрыва человека от земли для социума и общественного единства» – только вздохнуть и отойти). И желательно – именно протестного единства, которым пленяют молодого читателя эти умные нынешние технологии. Мир окончательно перебирается в интернет: мыслит, живет, противостоит и строит «в сетях» и «в контакте», который никогда уже не будет живым – плечом в плечо и глаза в глаза – контактом. Тут уже недалеко до того, чтобы ожесточить сердце: «Проблемы и грехи смакуй,/ всех, кто укрыт сенатской тогой,/ всех, кто при власти, критикуй…» – присоветует поэт вполне в духе времени, но закончит-то, закончит: «А Родину не трогай!». Не отождествляй её с теми, кто «при власти», и она защитит тебя и спасет, а с тобой, благодаря твоему слову, – и детей и внуков. И вот это и есть свет и спасение для Николая Рачкова, да и для нас, – его золотая лирика.

Нынешний Зоил может блеснуть зоркостью и знанием и иронически заметить, что поэт нет-нет и тайно «процитирует», скажем, Тютчева:

Есть некая тайна в природе вечерней,
В ней звуки медлительней и равномерней
И в шелесте ивы, и в шорохе ржи,
И в скрытой тревоге заросшей межи…

Ну, как тут, правда, не услышать «Есть в осени первоначальной короткая, но дивная пора…».

Или как не примерещиться за строками Рачкова Фету: «Вечерняя дорога. Вечерние луга. От тихого порога Слышнее пустельга…». А там и Кольцов мелькнет («Ах ты полюшко, поле русское…»). Да и Рубцова Николай Рычков не забудет, и Есенина. А только Зоил может повременить с торжеством, потому что своими укорами скорее обнаруживает глухоту, чем живое слышание. Зоил бегает за словом, а поэт за живым миром. Мир не так суетен, как сегодняшнее слово. Он не стесняется «цитировать» свои зори, восходы, тишину ночи и сияние дня, потому что знает, что глаз Тютчева увидит их иначе, чем глаз Рачкова, но это будет одни сумерки и полдни, которые не устают всходить, потому что знают, что их увидят поэты и омоют зрение читателей своего века, чтобы те поняли, что Бог рождает одни и те же рассветы и закаты, чтобы человек радовался им на языке своего времени и мира. А поэты переглядывались через столетия, как дети одного райского сада.

Ну, вот хоть это:

Вышла, нам улыбку светлую даря,
В алом сарафане алая заря.
И теплом улыбки радостной согрет,
Взял её на руки молодой рассвет.
В голубой рубашке, – смелый, погляди, –
И поцеловал её и прижал к груди.
В роще им навстречу грянул птичий хор,
Вольно распахнулся. Засверкал простор.
Снова повернулась к нам земная ось:
Царственное солнце в небо поднялось…

Когда это написано? Только и можно сказать – всегда! При Державине, Пушкине, Фете. И разве это оглядка на поэзию? Это всегда единственный день сердца. И если примерещится «цитата», то потому, что и природа, и Бог слушают поэта и любя «цитируют» его, как дитя и брата. Так что выйдешь утром солнечного морозного дня и поневоле скажешь: «Мороз и солнце! День чудесный!», а окажешься в сжатом осеннем поле и поневоле пробормочешь: «И паутины тонкий волос блестит на праздной борозде».

И сколько таких чудес у Рачкова:

Снега осели. Небо выше
С утра сегодня поднялось.
А в полдень с нашей мокрой крыши
Капели полетели врозь.
И радостно, неудержимо,
Взбежав на солнечный откос,
Веснапоцеловала Зиму,
И та не удержала слёз.

Теперь уже при каждой весенней капели вспомнишь этот поцелуй. И с матушкой природой придет и слово, и живопись, и музыка, как дети одного целого мира и целой души, которая каждый день собирает и обновляет мир. И как деревья и травы, облака и птицы естественно явятся и великие дети:

Так много васильковой сини
Над светлой рощицей простой.
Здесь лес и поле… Здесь Россия.
Здесь Пушкин. Лермонтов, Толстой.
И земляника в перелеске,
Черёмух вешних холодок,
Грачи и церкви… Достоевский
Тургенев, Тютчев, Гоголь, Блок.
Здесь снежные бывают бури,
Шагнешь – и не сыскать концов.
Но здесь Иван Шмелев и Бунин.
Есенин, Шолохов, Рубцов…

Вся музыка русского мира. Только открой сердце с поэтом, и эта музыка хлынет в душу вечностью и новизной, тревогой и утешением, болью и спасением. И вчера соглашаясь со старцами, что «времена прошли, остались сроки», опять повернешься к миру с любовью, потому что это ведь не только ты зависишь от него, но и он от тебя. И опять, как по прочтении всякой живой и любящей книги, вскрикнешь с толстовским Пьером Безуховым потрясенным сердцем: «И все это моё, и всё это во мне, и всё это я!».

г.Псков

Михаил ПОПОВ

Кто правит бал, или Ослепительная вспышка

О рассказе Юрия Аракчеева «Парнассиус сатанас»*

Прочитал рассказ под вечер и… не заспалось. Взбудораженное сознание всё ходило кругами, подобно манере рассказчика, и никак не могло успокоиться. Не на месте была и душа…

В сюжете двое. Старший, Константин Николаев, – энтомолог, кандидат биологических наук, умница, тонко чувствующая натура, но у него всё в прошлом, одна лишь мечта осталась – редкая бабочка, которая обитает в горах Средней Азии. И младший, Вадим, в прошлом – младший научный сотрудник (мнс), а теперь – новый русский, бизнесмен, который и финансировал их горную экспедицию.

Сразу было ясно, что ничего путного из этого тандема не выйдет. Потому читал и откладывал. Сюжет казался слишком очевидным. Конфликт был неизбежен. Тем более что автор без конца возвращался на круги своя или, как невидимый беркут, нарезал круги, поочерёдно касаясь мыслей то старшего, то младшего, а то сшибал их в коротком, – но уже с искрами, – диалоге. Чем выше они поднимались в горы, тем больше раздражался старший и тем флегматичней, но неуступчивей – в силу обретённой в своих глазах собственной значимости – младший.

Вполне близкие в прежней жизни – один ведущий, другой ведомый – они теперь, спустя годы, не то чтобы поменялись ролями, но младший, оплативший далёкую экспедицию, почуял, что имеет право, если не на перемену мест в связке, то, по крайней мере, на равенство.

Сколько жизнь человека не учит – он слышит только себя. Казалось бы, вот она, народная мудрость: «Всяк сверчок знай свой шесток». Будешь знать своё место – в дому, в обществе, в Божьем мире – и всё у тебя пойдёт ладом. А тут возникла фатальная путаница, исход которой, увы, не сулил ничего хорошего.

Почему из всего журнала в 350 страниц я выбрал для начала именно этот рассказ? Давно не читал Юрия Аракчеева, хотя знаком был с его прозой давно – он печатался и в 70-е, и в 80-е годы. К тому же привлекла дата. Этот год у автора юбилейный: 80 лет. Как тут было не проверить истинность народных поговорок про старого крота, который глубоко роет, и про его ровесника коня, который борозды не испортит?!

Начало, как уже сказал, не пошло. Всё более досадуя – и на текст, а косвенно и на рассказчика, – я уже решил совсем было оставить чтение, но тут среди фантомных болей конца ушедшего и начала нового века, которые то и дело являлись в рассказе, возникло слово «правительство». Мало уместное в прозе, оно что-то изменило в восприятии. Вначале словно проявилась личина. До того думалось: кого он напоминает, этот Вадим? А тут и осенило: да вот же кого. Не шибко далёкий, вполне довольствовавшийся своим «сверчковым» местом, он так бы и остался «мэнээсом», не претендуя на большее, если бы не трагические перемены в стране. Волей обстоятельств он «попал в случай», достиг, хоть и не по Сеньке шапка, невиданных высот и теперь на ТВ раздувает щёки от своего величия. Прототип – не иначе. Не случайно аукается концовка имени…

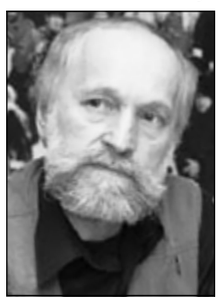
Дальше – больше. Текст рассказа, словно выгнулся, как-то укрупнившись в своей материальности, будто кто поднёс к нему увеличительное стекло. А следом и дошло: это автор, мастер литературной юстировки, чуть сместил фокус, открыв иной план, другое измерение.

Это не рассказ в привычном смысле. Здесь другой жанр. Это притча. А как прозаический жанр, притча, в чём убеждён, – фигура иного пилотажа – высшего. Здесь отдалённым эхом слышны отголоски былых драм как Библии, так и Словесности: притча об Авеле и Каине, притча о блудном сыне, история Тараса Бульбы и сына его Андрия… Но по большому счёту это притча о русском народе, который в очередной раз попал в тенёта сатаны.

Было прежде единство, точнее цельность. Были цели, задачи. «Всё выше, и выше, и выше…». И высоты, как эти горы, получали соответствующие имена вроде «Пика Коммунизма». И за счастьем, напрягая усилия, тянулись, как за вожделенной бабочкой, не шибко размышляя, почему у неё чёрные крылья с кроваво-красными пятнами (чуть не сказал – подбоем) и такое странное имя – Сатанас.

«…Что такое счастье – это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовётся Советской страной», – так писал Аркадий Гайдар. Боец, мечтатель и романтик, положивший жизнь за Родину, он, увы, ошибался. Далеко не все желали «честно жить, много трудиться» и тем более «горячо любить»… И к концу ушедшего века стряслась беда.

«Откуда возникла сатанинская эта инфекция в огромной, богатой, достаточно развитой стране, где люди учились, читали нормальные книги, мечтали о путешествиях, любили, а не тупо «занимались любовью», изучали природу, сочувствовали друг другу, а не пытались объегорить ближнего любыми путями, а если и лгали кому-то отчаянно и упорно, то правительству, которое отчаянно и упорно лгало им. Инфекция эта казалась Николаеву могущественной и смертельной, как рак или СПИД, но, к тому же ещё и коварной, ослепляющей человека, делающей его истинным зомби, лишённым души».



Поражённый сатанинской инфекцией, народ разделился сам в себе. Многие – читай старшие, как Константин (твёрдый, постоянный – с латинского), остались прежними. Но часть (Вадим) переродилась, сделав своим кумиром золотого тельца, одного из обличий сатаны.

Вадим живёт убеждённостью, что ему всё подвластно и всё доступно – *«за деньги можно всё»*. При этом забывает, что он – дилетант даже в мелочах. Достигший, как ему видится, высот, на реальной высоте он вдруг теряется и делает опрометчивые движения и шаги. А уж о житейском пути и говорить нечего: для двух своих сыновей он оказался никчёмным отцом, потому что за душой ничего не имел, кроме «бабок», нажитых «шахер-махером» (спекуляцией), а попросту – перепродажей «тачек». Конечная дорога таким, как Вадим, указана в имени. Ибо сказано: «легче верблюду влезть в игольное ушко, чем богачу – в Царствие Небесное».

Вадим – бабочка-однодневка. Он тычется в пространстве, не замечая окружающей красоты, ликования Божьего мира, которые доступны Константину и которыми тот живёт. Для Вадима красота и мир – это он сам, отсюда ритуальные щёлкания фотоаппаратом и бесконечные сэлфи, фиксирующие порханья бабочки-однодневки. Только на краю пропасти, ударившись о камни, он потухающим взглядом отмечает удивительно красивый узор горной арчи. Однако продлить это ощущение ему уже не дано: тело его на этой стланниковой арче сползает к кромке уступа.

А что Константин? Он находит-таки и отлавливает редкую бабочку. Его мечта неожиданно сбывается. Но радость его мгновенно улетучивается, когда он обнаруживает сорвавшегося со скалы Вадима. Спасти его он не может – ни сил, ни средств для этого нет. А главное – нет и времени. Земная тяжесть уже уносит Вадима, обременённого грехами, в пропасть.

Бабочка-однодневка, Вадим рано или поздно всё равно бы сгинул, потому что там, где лживые деньги – «Сатана там правит бал…», – неминуемы разборки, рэкет, кидалово, пуля или заточка под ребра… Но Константина охватывает смятение и угрызение совести. Зачем он согласился на эту экспедицию? Да, была мечта-бабочка, хотелось использовать последний шанс и добыть её? Но разве он не ведал, на какие грязные деньги эта поездка осуществляется? Упрекал-корил Вадима, а сам-то, выходит, тоже оказался не чист на руку, польстившись на дармовщину, которая дурно пахнет. Значит, и тебя бес попутал! – казнит он себя. В сознании возникают дети Вадима. Вадим не нажил духовного богатства, но материально-то их обеспечивал. А как он, Константин, может им помочь, имея нищенскую пенсию?

Рой мыслей, жаливших Константина всю дорогу, охватывает его с новой неистовой силой. Рвануть в бездну вслед за Вадимом – это возникает сразу и подталкивает его к кромке обрыва. Страха нет – он одинок, пожил достаточно. Но первый порыв уходит. Мысли сосредотачиваются на одном-единственном желании: жить. Но не просто жить ради жизни. И не ради мечты, тем более что достиг её. Как сказал другой пламенный боец и мечтатель, «Самое дорогое у человека – это жизнь. Она даётся ему один раз, и прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жёг позор за подленькое и мелочное прошлое, чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому главному в мире – борьбе за освобождение человечества». Константин Николаев – не Николай Островский. Обо всём человечестве он не думает. К чему эти пафосные слова?! Надо, пока есть силы, отдать всё окружающим – ближним и дальним, – тем же детям Вадима, пока они не стали такими, как Вадим, как тысячи подобных ему, попавших в лапы сатаны. Такую задачу, *«словно что-то ослепительное вспыхнуло перед ним»*, Константин обретает и с тем возвращается в мир.

Рассказ «Парнассиус сатанас» – произведение беспощадное, глубокое и мудрое. Это достойный знак крупного юбилея, с которым хочется поздравить Юрия Аракчеева. Здоровья, крепости духа и творческой неизбывности, уважаемый Юрий Сергеевич!

г.Архангельск

---

* Юрий Аракчеев «Парнассиус сатанас», рассказ *(журнал «День литературы» №2(8)-2019)*